

100^и1
СКАЗКА

**Евгений
КЛЮЕВ**

**ОТ КЛУБКА ДО
ПРАЗДНИЧНОГО
МАРША**

6+

LiveLib
компьютерная библиотека
www.livelib.ru

Сто и одна сказка

Евгений Ключев

**От Клубка до Праздничного
марша (сборник)**

«WebKniga»

2013

Клюев Е. В.

От Клубка до Праздничного марша (сборник) / Е. В. Клюев —
«WebKniga», 2013 — (Сто и одна сказка)

ISBN 978-5-96910-972-8

Перед вами давно обещанная – вторая – книга из трёхтомника под названием «Сто и одна сказка». Евгений Клюев ещё никогда не собирал в одном издании столько сказок сразу. Тем из вас, кто уже странствовал от мыльного пузыря до фантика в компании этого любимого детьми и взрослыми автора, предстоит совершить новое путешествие: от клубка до праздничного марша. В этот раз на пути вас ждут соловей без слуха, майский жук, который изобрёл улыбку, каменный лев, дракон с китайского халата, маленький голубчик и несколько десятков других столь же странных, но неизменно милых существ, причём с некоторыми из них вам предстоит встретиться впервые. Счастливого путешествия – и пусть оно будет долгим, несмотря на то, что не за горами уже и третье путешествие: от шнурков до сердечка!

ISBN 978-5-96910-972-8

© Клюев Е. В., 2013

© WebKniga, 2013

Содержание

Клубок, который катился	6
Открытка с морем	8
Дракон с китайского халата	11
Пирожок ни с чем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

от клубка
до
праздничного
марша

Евгений Ключев

От Клубка до Праздничного марша

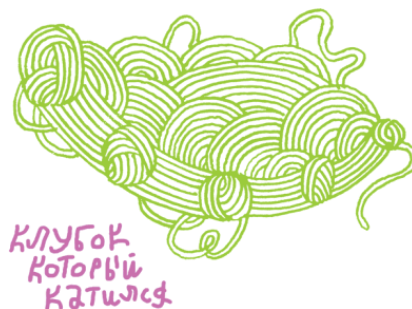
© Ключев Е., текст, 2013

© Василькова Н., составление, 2013

© Наташа Маркина, иллюстрации, 2013

© «Время», 2013

Клубок, который катился

Когда некоторые (не очень хорошо воспитанные) граждане говорят кому-нибудь: «Катись отсюда!» – они, конечно, не представляют себе, что их предложение будет принято, слишком уж оно обидное, это предложение... Обычно предложений таких никто и не принимает, то есть не катится никуда и никогда, а вовсе даже, наоборот, остаётся на месте и старается придумать в ответ что-нибудь похлеще, чем катись отсюда, – причём, как ни странно, чаще всего придумывает! И тогда возникает ссора, а ссора – это уж совсем последнее дело.

Что касается Клубка-Шерстяных-Зелёных-Ниток, то он ссор не любил – и в ответ на чьё-то (не помню уже чьё!) *катись отсюда* действительно взял да и покатился, как ему было предложено. Свидетели этой сцены даже рты раскрыли от изумления... я имею в виду, конечно, только тех свидетелей, у которых были какие-нибудь рты. Но Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток и не взглянул в их сторону, вознамерившись катиться без оглядки: так сильно он обиделся.

А вам, разумеется, известно, что происходит с любым порядочным клубком, который так сильно обиделся и который вознамерился катиться без оглядки? Увы, он раз-ма-ты-ва-е-т-ся. То есть, как бы даже и перестаёт быть клубком – правда, сначала это не очень заметно, зато потом становится очень заметно, а ещё через некоторое время – очень и очень заметно. Когда же клубок перестаёт быть клубком, он, извините, гибнет. Причём гибнет без-воз-врат-но – превращаясь просто в длиииииинную такую ниточку соответствующего цвета. И смотреть на всё это без слёз невозможно. Если, конечно, есть кому смотреть. В нашем случае кому смотреть – было.

– Эй-эй-эй, осторожнее, Вы гибнете! – крикнул вслед катящемуся Клубку-Шерстяных-Зелёных-Ниток случайный один прохожий и даже побежал было за ним, чтобы прекратить немедленно ужасную эту гибель, да где там! Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток катился так быстро, что догнать его не могли бы и сорок случайных прохожих! И тогда нашему одному случайному прохожему пришлось, остановившись, просто смахнуть слезу со щеки, потому что, как мы хорошо помним, смотреть на гибель клубков без слёз... и так далее.

«Ну и пусть я гибну!» – упрямо размышлял Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток, постепенно превращаясь в длиииииинную такую ниточку соответствующего (зелёного) цвета. Ниточка терялась в зелёной траве – и постепенно становилось понятно, что наш клубок решил погибнуть навсегда, потому как отыскать зелёную ниточку в зелёной траве никому не под силу!

– Да что ж это делается-то! – заверещал гуманный какой-то Чертополох. – Он ведь разматывается весь, а потом поминай как звали!

«Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток, вот как звали!» – мрачно думал клубок, катясь и катясь дальше по аккуратно подстриженной траве. Конечно, это был уже не совсем клубок – даже и совсем не клубок это был, а так... моток, моточек бесформенный, ему и катиться становилось всё тяжелее: круглым – им что, им катиться легко, а вот вы попробуйте катиться,

когда от круглости и следа не останется! Трава теперь казалась клубку страшно высокой, сил приходилось тратить всё больше – даже дышать сделалось трудно, вот оно как...

Да и обида начинала забываться – сначала невозможно стало вспомнить, кто именно сказал *катись отсюда*, потом возникли сомнения в том, что это вообще было сказано... тем более что надо быть совсем уж каким-то диким, чтобы такое произнести! Может, вообще всё это просто померещилось ему в те далёкие времена, когда он ещё был клубком?.. Вспоминалась же, хоть и смутно, хорошая одна компания, в которой все были друзья, жили мирно и весело... Правда, он забыл имена друзей – и как выглядели друзья, тоже забыл.

Кончик шерстяной зелёной ниточки мелькнул в невысокой траве – а вместе с ним мелькнуло и угасло последнее воспоминание о каком-то совсем уже пустяке, приятном и отрадном. Вот и жизнь прошла. Закончилась. Прощайте все.

Впрочем-впрочем-впрочем...

Снова мелькнул в невысокой траве кончик шерстяной зелёной ниточки, а сама шерстяная ниточка сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поползла в обратном направлении. И раньше всего вспомнилось какое-то странное слово «шарф», но что означало слово «шарф» – этого не мог знать кончик шерстяной зелёной ниточки: ещё бы, шарф – понятие длиииинное! А потом вспомнились две сестры – взрослые сёстры-близнецы, такие утончённые, такие изысканные... И такие блестящие – прямо-таки ослепительно блестящие, хоть и всегда за работой. Как же их звали... ах да, Спицы! И вспомнилась Бархатная Подушечка, весело утыканная младшими сёстрами двух взрослых сестёр-близнецов – младшие сёстры тоже были близнецы, все до одной, и тоже блестящие! И у каждой такое красивое имя – Иголка... Что же касается самой Бархатной Подушечки, она алая, нежно-алая!

А ещё... Ну конечно: мой лучший друг – Атласный Лоскуток, похожий на маленькое пламя – где он? Да здесь же он, здесь – в нашем доме, в прекрасной плетёной корзинке, стоящей на коленях у Белоснежной Старушки, которая вяжет шарф – самое длиииинное понятие на свете!

И Клубок-Шерстяных-Зелёных-Ниток счастливо плюхнулся прямо в самую середину этой прекрасной плетёной корзинки – ну и наделал же он дел!.. Корзинка перевернулась, а Белоснежная Старушка наклонилась за ней да тоже перевернулась – ох и долго потом она ворчала, ох и долго собирала в корзинку всё, что оттуда попадало: целую семью хохочущих, визжащих, влюблённых друг в друга мелочей! Может быть, иногда в порыве любви кто-то и кольнул кого-то... да между своими чего не бывает!

Открытка с морем

В один совсем маленький и совершенно не приморский город отправили Открытку-с-Морем. Отправили её по почте – при этом сначала безо всякой жалости запихнув в узкую щель почтового ящика, а потом ещё и пристукнув какою-то кривой штукой, отчего на обратной стороне Открытки-с-Морем образовалось круглое чернильное пятно с буквами и цифрами.

– Поосторожнее, на мне море!.. Вас бы так пристукнуть по спине, – проворчала Открытка-с-Морем и полетела куда послали, размышляя по дороге о следующих вещах:

«Там, куда меня послали, никто даже и не знает, что такое море... Не знает и понятия не имеет. И все скажут: на данной открытке изображена какая-то синяя чушь! А потом спросят: как она называется-то хоть, эта синяя чушь? Услышат, что – “море”, рассмеются до хохота да и выбросят меня прочь. Да-а-а... нашли тоже куда посылать открытку с морем!»

– Вы почему всё время ворчите на лету? – красивым голосом спросила пролетавшая мимо Случайная Пылинка.

– А Вы кто, извините, такая, что я должна отвечать на Ваши не очень вежливые вопросы? – сразу поставила её на место Открытка-с-Морем.

– Я – пролетающая мимо Случайная Пылинка, – сразу сконфузилась Случайная Пылинка, – и Вы, конечно, отнюдь не должны отвечать на мои не очень вежливые вопросы, за которые я немедленно прошу у Вас прощения...

– Ничего, бывает, – смягчилась Открытка-с-Морем. – А ворчу я на лету потому, что меня отправили в один совсем маленький и совершенно не приморский город, в котором, как я понимаю, никто меня не поймёт: там, небось, ни один житель сроду моря не видел.

– Это кто же Вас туда отправил? – удивилась Случайная Пылинка.

– Человек отправил, – вздохнула Открытка-с-Морем. – И нечему тут особенно удивляться.

– Но это же дикость какая-то! – воскликнула Случайная Пылинка. – Попробовал бы меня кто-нибудь куда-нибудь отправить, я бы тогда...

– Что – «Вы бы тогда»? – заинтересовалась Открытка-с-Морем.

– Задала бы я тогда жару! – разбушевалась Случайная Пылинка.

Открытка-с-Морем взглянула на Случайную Пылнку с большим сомнением и полетела дальше: продолжать разговор явно не имело смысла. Она летела и ворчала, походя при этом на какой-нибудь небольшой самолёт: самолёты ведь всё время ворчат на лету.

– Нет, вы только подумайте! Отправлять такую красоту в какой-то медвежий угол и совершенно не заботиться о том, что там с этой красотой будет... Вот возьму сейчас и потеряюсь в пути: в другой раз захотят меня куда-нибудь отправить – подумают сначала хорошенько!

В этот самый момент на неё упало что-то такое холодное... ужасно холодное и немножко мокрое.

– Вот ещё новости! – Открытку-с-Морем просто передёрнуло всю.

– Это не новости – это я, Снежинка...

– То есть как это – Снежинка? – Открытка-с-Морем еле выговорила неизвестное ей слово.

– Очень просто Снежинка, вот как – Снежинка! – обиделась та.

– С чего это Вы обиделись? – удивилась Открытка-с-Морем. – Я просто впервые в жизни вижу такое... существо, потому и спрашиваю. Там, откуда я родом, ничего подобного не бывает.

– А-а... ну, тогда, конечно, я возьму свои слова обратно, учитывая, что Вы из других краёв. И, если желаете, объясню Вам, что снежинка – это такая капелька воды, которая сначала испарилась, а потом замёрзла.

– Как это, простите? – вдумалась Открытка-с-Морем. – Если Вы сначала испарились, то что же потом замёрзло?

– Об этом Вам, может быть, расскажут другие снежинки, потому что я, извините, таю.

Другие снежинки оказались такими же бестолковыми, как первая. Открытке-с-Морем удалось добиться от них только того, что город, в который она летит, – это северный город и что моря там действительно никакого отродясь не бывало.

– Ну и зачем я там нужна? – сокрушилась Открытка-с-Морем. – На мне же всё море замёрзнет навсегда...

Но вот уже северный ветер подхватил её и понёс дальше.

Открытка-с-Морем летела и дрожала как осиновый лист.

«Надо было не меня сюда отправлять, – отчаянно размышляла она на лету, – а какую-нибудь открытку-с-крепостью! Летела бы себе, как камень...»

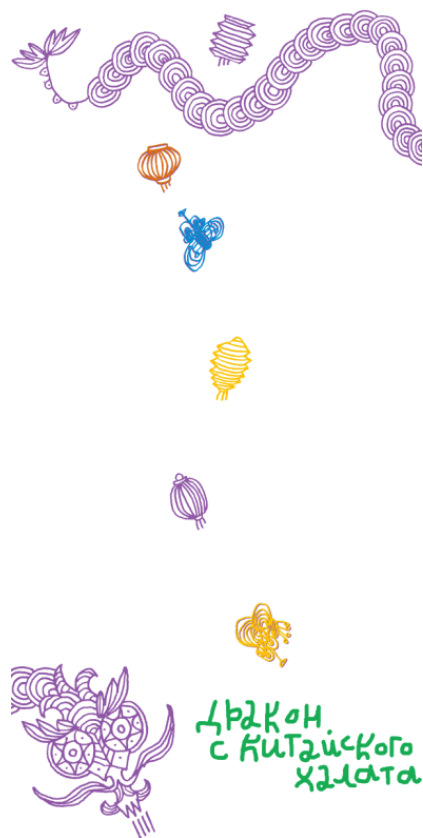
...в совсем маленьком и совершенно не приморском городе Открытку-с-Морем встретили плохо: тою же самой кривой штукой пристукнули ещё раз. Впрочем, ей это было уже безразлично – она и слова не сказала. И так же молча позволила запихнуть себя в узкую щель почтового ящика, висевшего на каком-то холодном доме. Ящик был металлический, и она пролежала в нём до вечера, забыв даже, что на ней море...

А очнулась Открытка-с-Морем в чьих-то дрожащих руках.

«Нас помнят, нас любят!» – услышала она радостный голос, и тут... тут её поцеловали – прямо в самое море!

Дракон с китайского халата

На гвоздике в ванной висел халат. На халате сидел Дракон. Халат привезли из Китая, где драконов пруд пруди, так что Дракон в данном случае был вполне на месте. Уместный такой был Дракон... но всё равно страшноватый, даже несмотря на то, что это не живой дракон был, а вышитый. Шёлковыми нитками: оранжевыми, белыми, зелёными, жёлтыми и красными... Дракон весь блестел и переливался, частично скрываясь под складками, от чего, однако, не казался менее страшноватым.

Недаром Зелёная Муха, случайно залетевшая в ванную, чуть не упала в обморок при виде этого Дракона, а потом уселась на весьма почтительном расстоянии от него и как бы между прочим сказала:

– Сдаюсь.

И принялась ожидать нападения. Но нападения не последовало.

– Он не нападёт, – слышался шёпот из-за полотенца. – Я битый час за ним наблюдаю...

Зелёная Муха осторожно забралась под полотенце и познакомилась там с Серой Мухой. Та поведала ей, что за всё это время Дракон шевельнулся только один раз: недоволен был, что дверь открыли. А так – сидит спокойно и миролюбиво.

– Просто не надо, наверное, его раздражать, – закончила Серая Муха.

– Я и не собираюсь, – пожала плечиками Зелёная. – Была охота...

Они ещё немного понаблюдали за Драконом из своего укрытия. Дракон оставался неподвижен.

– Может, он мёртвый... убитый то есть? – шёпотом спросила Зелёная Муха.

– Тогда бы он так не блестел. И не переливался бы!

Что ж, вполне резонно, ничего не скажешь. Мёртвые действительно не блестят и не переливаются – так же, как и убитые: они какие-то тусклые все.

– А он вообще-то натуральный? – опять спросила Зелёная Муха.

– Тш-ш-ш! – зашипела Серая. – Разве можно задавать такие вопросы! Конечно, натуральный... или как, по-вашему?

– По-моему, тоже, – Зелёная Муха чуть-чуть выползла из-под полотенца. – Просто бывают ведь и искусственные драконы...

– Но у него же пламя изо рта! – напомнила Серая Муха.

Зелёная ещё чуть-чуть выползла из-под полотенца и задумчиво произнесла:

– Вот то-то и оно... правда, немножко подозрительно, почему тогда халат не сгорает! А сам по себе Дракон, конечно, кошмарный. В том случае, конечно, если натуральный.

Зелёная Муха выползла из-под полотенца целиком и начала осторожно двигаться в сторону халата.

– Вы что, обезумели? – ужаснулась Серая.

А Зелёная Муха всё перемещалась и перемещалась... Внезапно она остановилась и пома-нила крылом Серую. Та с величайшей осторожностью подползла к ней.

– Видите, из него нитка болтается? Мне всё больше кажется, что это *вышитый* Дракон!

– Так правдоподобно вышитый? – уточнила рассудительная Серая Муха.

– А что? В искусстве шитья китайцы, как известно, достигли высокого мастерства...

И обе мухи аккуратно поползли по халату в направлении Дракона. Неожиданно Зелёная Муха наступила ему на хвост. Дракон не шелохнулся.

– Конечно, он искусственный! – рассмеялась Зелёная Муха. – Из ниток! И совсем не страшный.

– Ну не скажите... – возразила было Серая, но Зелёная уже ползала по Дракону вдоль и поперёк.

– Вот урод-то, прости Господи! – приговаривала она. – Думает, все его очень боятся, а сам из ниток!

– Вы бы поосторожнее, – робко посоветовала Серая Муха.

Зелёная Муха фыркнула:

– Да чего ж тут осторожничать-то... И не Дракон это вовсе никакой, а так – пресмыкающееся! Разве уважающий себя Дракон позволит, чтобы две простые мухи ползали по нему туда-сюда? У него же чувство собственного достоинства! А у этого никакого достоинства: сидит себе на халате и пресмыкается.

Теперь мухи без опаски разгуливали по разноцветным шёлковым ниткам. Мухи ведь, я забыл сказать, существа и вообще-то глупые... кто ж, кроме мух, испугался бы вышитого на халате Дракона!

– Он не только не страшен – он смешон! – заключила Зелёная Муха. – Распустил гриву в разные стороны и глядит – дурак дураком. Давайте заползём к нему в ухо и скажем какую-нибудь гадость по секрету?

– Давайте, – не заставила себя упрашивать Серая Муха. – Я люблю гадости говорить.

– И я! – призналась Зелёная.

Тут они и заползли в ухо Дракону.

Не знаю, что уж *такое* они ему сказали, но внезапно, когда обе выползли уже из уха, раздалось громкое «щёлк!» – и мухи исчезли в вышитой пасти, не успев даже обменяться взглядами.

И этого давно следовало ожидать, потому что кто же не знает: с драконами шутки плохи... даже если это всего-навсего какой-нибудь дракон с китайского халата!

Пирожок ни с чем

Пирожки ни с чем редко встречаются в жизни – гораздо чаще в жизни (практически на каждом шагу) встречаются пирожки с чем-то. Взять хоть – и съесть! – пирожок-с-луком или пирожок-с-рисом-и-яйцом... Мы прямо так и спрашиваем, когда покупаем пирожки:

– У вас с чем пирожки?

И обычно нам отвечают, с чем. И это совершенно нормально. Но наша история – о Пирожке-ни-с-Чем. А относиться к этой истории и к этому пирожку можно по-разному: кто как хочет...

– Вы, извиняюсь за любопытство, вот просто-таки *абсолютно* ни с чем? – уже незнамо в который раз поинтересовалась Кулебяка-с-Рыбой.

– Вот просто-таки абсолютно, – уже незнамо в который раз признался честный Пирожок-ни-с-Чем.

Кулебяка-с-Рыбой вздохнула – глубоко и очень лично:

– Это плохо, м-да... Надо быть с рыбой.

– У меня не вышло как-то... быть с рыбой, – особенно не вдаваясь в подробности, счёл наконец необходимым объясниться Пирожок-ни-с-Чем.

– Может быть, Вы и не стремились стать с рыбой?

– По совести говоря, нет... Не стремился. А это необходимо?

Ну вот... Такой вопрос иначе как выпадом и не назовёшь. Причём это выпад не только против Кулебяки-с-Рыбой – данной конкретной Кулебяки с данной конкретной Рыбой – но и против вообще всякой кулебяки. И, пожалуй, даже не только против кулебяки, а против всех, кто с чем-нибудь. Против всех, кто с чем бы то ни было.

Из Пирожка-с-Вареньем через дырочку в пузе даже вылезло немножко брусники – от ужаса слов Пирожка-ни-с-Чем.

– Ужас Ваших слов, – Пирожок-с-Вареньем так и сказал! – в том, что Ваши слова ужасны. И в самом деле ужасны... ужасней, пожалуй что, и некуда.

– Прошу прощения за такую большую ужасность моих слов, – воспитанно ответил Пирожок-ни-с-Чем, – но Вы, насколько я понимаю и вижу, тоже... как бы сказать, не вполне с рыбой?

– Я вообще не с рыбой, я с вареньем! Однако это дела не меняет. Вы тоже могли бы стать с вареньем, если бы старались.

– Не знаю, как насчёт именно рыбы, – запоздало вмешалась Ватрушка-с-Творогом, – может быть, и не каждый обязан так уж непременно быть с рыбой, но, по крайней мере, с *чем-нибудь* обязан быть каждый. Такова жизнь.

– Какова жизнь? – от всего сердца не понял Пирожок-ни-с-Чем.

– Жизнь сложна! – охотно объяснила Ватрушка-с-Творогом.

– И Вы в любую минуту должны помнить об этом, – подхватила Кулебяка-с-Рыбой.

– Бывают минуты, – немножко подумав, осторожно заметил Пирожок-ни-с-Чем, – когда хочется помнить о чём-нибудь другом... А рыба пусть лучше плавает в реке.

Кулебяка-с-Рыбой и Ватрушка-с-Творогом переглянулись, что могло означать лишь одно: «Ну вот...»

А это, в свою очередь, означало, что ничего другого от Пирожка-ни-с-Чем и не ждали. Из Пирожка-с-Вареньем от дикости последнего заявления Пирожка-ни-с-Чем вылезло через дырочку в пузе ещё немного брусники – и он произнёс почти шёпотом:

– Дикость Ваших слов в том, что Ваши слова дики!

Да уж, что дико, то дико – тут и добавить нечего.

– Мне кажется, – задумчиво и как бы в никуда сказала Кулебяка-с-Рыбой, – Вас вполне устраивает, что Вы Пирожок-ни-с-Чем.

И все они – и высказавшая это суждение Кулебяка-с-Рыбой, и Ватрушка-с-Творогом, и Пирожок-с-Вареньем – застыли в ожидании ответа, который незамедлительно и последовал:

– Мне жаль, если я кого-то задеваю, но меня – устраивает...

– Тогда Вы вообще не пирожок! – взорвался Пирожок-с-Вареньем, и от взрыва этого из него вылетел в направлении шумевшего неподалёку леса остаток брусники. Правда, Пирожок-с-Вареньем ничего не заметил и продолжал верещать: – Тогда Вы вообще непонятно кто! Пирожок – это если с чем-то, а если ни с чем, то это просто какая-то... плюшка! Или блин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.